

П И С Ь М А

I.

«Пущено письмо отъ любезнаго брата вашего рядового Юхима Хванасовича. Любезная сестра Настасья Хванасовна, посылаемъ вамъ низькой поклонъ отъ бѣлаго лыця до сырой земли, и еще кланяемся законному супругу вашему Мыкытѣ Ларивоновичу отъ бѣлаго лыця до сырой земли, и еще кланяемся дочкѣ вашей Кульнѣ Мыкытишнѣ и еще кланяемся своему хрещенику Охрему Мыкытовичу и съ любовію низькой поклонъ отъ бѣлаго лыця до сырой земли и пропишитъ намъ на счетъ его: чи они уже ходять, чи ще только лазять? И желаемъ вамъ всего хорошаго въ дѣлахъ рукъ вашихъ навсегда. И посылку вашу, которую вы намъ прислали, то мы сполна получили и благодаримъ вамъ за посылку премного разъ, что вы меня не забыли на чужій сторонѣ».

Измятый, кое-гдѣ испачкаанный въ грязь листокъ дрожить въ бѣлыхъ топкихъ пальцахъ Вали, и дрожить ея слабый печальный голосъ. Передъ ней на стулѣ сидитъ, согнувъ спину, вытирая концомъ платка носъ и вспухшіе отъ слезъ глаза, Настасья «Хванасовна». Лицо у нея наполовину спрятано подъ низко надвипутымъ на лобъ платкомъ, какъ у старухи, и только по мужу-дворнику, щеголю и хвастуну, можно догадываться, что она еще молода.

«И еще пропишитъ, какая у васъ есть новость. У насъ новостей никакихъ не слыхать. И какая у васъ погода? У насъ погода очень холодная, такъ что при шипели никогда не согрѣешься. На счетъ харчей, тоже бываетъ невыдержка, потому что мы якъ дечь, якъ почъ, безперечь въ огню и кровь льется. Ну, благодаря Бога, что иногда картохи невыкопанныя. И прошу васъ пропишите вы мнѣ про мою балабайку. Чи она цѣлая пли нѣтъ? И я сейчасъ нахожусь на астрицкой границѣ и извиняюсь, что плохо написано. Повсегда идетъ страженіе, и некогда у гору глянуть. А тутъ пули зудять усе равно, какъ мухи надъ головою. А когда, Богъ дастъ прѣйду, то привезу усѣмъ гостипца и своему хрещенику хорошии гостипецъ. Ну, прошу васъ не журиться. И съ тѣмъ до свиданія. Рядовой — скаго полка, 9-й роты Юхймъ Хванасовичъ Закутний».

Настя слушаетъ въ суровомъ молчаніи, только слышно, какъ иногда сдерживая всхлипывающа, потяпеть носомъ. Потомъ она уходитъ къ себѣ въ дворничью. А Валя остается одна въ компатѣ и снова много разъ перечитываетъ кривыя, грязныя строки. Два-три раза въ мѣсяць получаютъ эти неуклюжія

письма рядового, и шипеть она для Насти лаконическіе отвѣты на ихъ. И было по началу странно и досадно читать эти письма: такъ они похожи одно на другое своей бѣдностью и несуразностью.

Было непонятно и даже обидно, что человекъ, которому смерть неотступно и жадно смотритъ въ глаза, не находитъ сказать близкимъ ничего, кромѣ этихъ смѣшныхъ поклоновъ и нелѣпыхъ разговоровъ о погодѣ и новостяхъ. Какъ будто не па его глазахъ, не при его участіи творятся еще невиданныя землею титаническія дѣла... Сама Валя вотъ уже полгода, какъ живетъ новой большой жизнью. Собственная жизнь, маленькая до микроскопичности, осталась нетронутой. Но хлынула затопившая весь міръ волна, и личную жизнь Вали, какъ маленькій челнокъ, дремавшій до сихъ поръ гдѣ-то въ тинистой запрудѣ, вдругъ подняло на огромную высоту, съ которой видны все залитые кроваво-слезнымъ потокомъ концы міра. И облилось кровью сердце Вали, и потянуло отдать свою маленькую жизнь па великое дѣло.

Но ее, большую, единственную въ семьѣ, не пустили на подвигъ милосердія. И Валя осталась дома съ маленькими дѣлами, въ родѣ изготовленія бѣлья и подарковъ, придавленная большой невысказавшейся печалью и тревогой. Рядомъ съ печалью и тѣмъ, что рисовало воображеніе Вали, эти письма были такъ буднично жалки и неинтересны. Но съ каждымъ письмомъ все глубже вникала она въ эти неуклюжія строки и училась читать то большое, что онѣ скрывали. И скоро поняла, что въ нихъ, какъ въ засоренномъ землей родникѣ, скрыто начало той волны, что подняла на себѣ все, а ея маленькую жизнь сдѣлала такой большой. Поняла Валя и величавое его спокойствіе передъ лицомъ смерти и великія его страданія, о которыхъ онъ находитъ лишнимъ говорить. И разгадала великую грусть и любовь, что невыраженная застыла въ шаблонѣ солдатскихъ поклоновъ и въ безграмотныхъ оборотахъ.

II.

Вечеромъ Валя сидитъ въ дворницкой за столомъ, передъ закопченной лампочкой и пишетъ письмо. На столѣ приготовленная ею посылка для солдата. Настя стоитъ передъ столомъ хмурая, замкнутая въ себѣ.

— Еще что написать?

А Настя не знаетъ что и только вытираетъ слезы на щекахъ и вокругъ рта. Никита, на минуту забѣжавшій въ дворницкую, поправляетъ передъ зеркаломъ гладкій проборъ посрединѣ головы и франтовскіе усы.

— Ну, что ты, деревня, рюмы распустила!—роняетъ онъ.—Ну, къ чему это! Безъ всякаго попятія!

— Пропишите, что была на праздникахъ тетка Стеха...—угрюмо говорить Настя.—Всехъ овецъ распродала...

— Ну, вотъ!—презрительно смѣется Никита,—ты еще объ свиньяхъ продикуй! Русскій солдатъ считается защитникъ всей Россіи, такъ она ему про овецъ!

Слышенъ звонокъ у воротъ, и Никита уходитъ.

— Что еще?

— Больше ничего,—всхлипываетъ Настя.

А впалая неразвившаяся еще грудь Вали волнуется такой нѣжной лаской и острой скорбью. Низко, низко наклонилась надъ письмомъ, касаясь его прядью каштановыхъ волосъ, и стала писать безъ диктовки:

«Мой славный, мой родной! День и ночь моя душа тамъ съ тобою, на страшныхъ чужихъ поляхъ, во рвахъ, въ холодѣ и голодѣ, передъ лицомъ смерти. День и ночь я смотрю на тебя, какъ понесъ ты свою жизнь за другихъ и не знаешь, какъ ты силенъ и великъ. А я маленькая, больная, какъ все въ домѣ уснуть, на колѣняхъ стою. Все молюсь: пусть не тронетъ тебя вражья пуля. Пусть ангелъ-хранитель защититъ тебя бѣлыми крыльями. Полетѣла бы сама къ тебѣ, мой братецъ чистый, цѣловала бы несогрѣвающую шинель твою. Встала бы между смертью и тобой!!..»

Пылаютъ тонкимъ румянцемъ прозрачныя щеки Вали, слезы застилаютъ глаза. А Настя тоскуя слѣдитъ, какъ темными шнурками ложатся на бумагу узенькія строчки.

III.

Мелькаютъ пестрые буднично-торжественные дни, и отъ движенія ихъ и отъ каждаго звука тревожной радостью и тихой грустью дрожитъ расцвѣтшая душа Вали. А сквозь ихъ пеструю сѣть видитъ Валя, какъ на западѣ дни перепутались съ ночами, и время пылаетъ однимъ багровымъ заревомъ, озаряя никогда невиданное дорогое лицо. Пытается Валя представить себѣ его черты и не можетъ. Лелѣетъ въ душѣ его безхитростныя благородныя фразы, и онѣ, святые, растутъ тамъ, наполняя душу, и свѣтятъ и грѣютъ. Иногда зайдетъ въ дворницкую. Хочется поговорить о немъ съ Настей, разспросить. А Настя ничего не умѣетъ разсказать. А Валя не умѣетъ разспросить.

— Онъ... похожъ на тебя?

— Ни... Я въ покойнаго батька, а онъ—въ покойную мать.

На полу, пытаюсь подняться на ноги, ползетъ тотъ самый крестникъ, о которомъ спрашивается въ каждомъ письмѣ съ войны. Видно, тамъ часто думаютъ о немъ... Валя взяла его на руки и стала ласкать. На стѣнѣ виситъ балалайка, по которой онъ тоже скучаетъ. Валя дотронулась пальцами до струнъ—прозвенѣли слабо, будто издалека долетѣли грустные, робко спрашивающіе звуки... Уходитъ Валя къ себѣ и, унеся съ собой письма, снова перечитываетъ ихъ. П все, что за шестнадцать лѣтъ своей жизни узнала она о красотѣ души человѣческой и ея великихъ подвигахъ, встало передъ ней въ этомъ неизвѣстномъ ей авторѣ.

«...И еще увѣдомляю васъ, не вѣрьте, что я убитой, потому что я слава Богу, до которой минуты живъ-здоровъ, чего и вамъ желаю отъ Господа...

...И еще увѣдомляемъ васъ, что астрійцы народъ голой и худой до того, что слеза беретъ. Хуже насъ...

...А въ случаѣ Богъ меня не вернетъ, то кожухъ и шапка пуцай Охриму до выросту, а балабайку сватови Ехвану. А струны новыя въ ей въ середкѣ...

...И еще когда читали мы послѣдній листъ отъ васъ, то даже трохи не плакали, съ товаришомъ, до чего все достовѣрно списано, неначе въ книжкѣ напечатано. Должно быть составила вамъ какая-нибудь горячая душа и высокой науки.

И покорнѣйше благодаримъ за ихъ многоувеселительную ласку, перелятыая до насъ, и за ихъ гостиницеъ. И если воны мужескаго пола, то пуцай будутъ мопмъ роднымъ отцемъ и брагнкомъ, а если женскаго рода, то пуцай будутъ моими сестрой и мамой. Что мы считали, что насъ никто не знае, что мы естъ въ свѣтѣ, а вдругъ естъ людина, которая нашла меня своимъ дорогимъ подаркомъ и ласковымъ словомъ на бѣломъ свѣтѣ. И еще мы ихъ благодаримо отъ своего лица и желаемо отъ Бога хорошаго благополучія и провести ваши дни въ веселыхъ лицахъ и съ веселыми людьми» .

Никогда еще не знала Валя такой большой, негмѣщаемой душою радости.

— Господи! Какъ прекрасенъ миръ... Буду, буду твоей сестрой!—обѣщала Валя, глотая слезы счастья.—Рыцарь мой благородный...

И смѣясь, цѣловала письмо. Стала писать каждый вечеръ и отдавала ему отчетъ во всемъ, что случалось и что пережито за день. И стала ждать отвѣта.

А отвѣта не было. Шли дни, недѣли. Молчала Настя и молчала Валя, и, не сознавая того, обѣ избѣгали встрѣчъ... Однажды сѣрымъ туманнымъ утромъ, когда на мокрыхъ вѣтвяхъ повисли и не могли упасть холодныя капли, принесла Настя письмо съ завѣтной печатью и чужимъ почеркомъ на конвертѣ. Валя разорвала конвертъ и, закрывъ глаза, стала опускаться мимо стула на полъ. Настя посмотрѣла въ ея восковое лицо и, понявъ все, заголосила на весь дворъ. Почеркъ письма былъ не такой, какъ у Юхима: мельче и кудрявѣй.

«Пишу вамъ неприятный привѣтъ. Вашему любезному брату царство небесное славному и храброму воину Юхвиму Закутному, павшии въ бою подъ N 24 ноября. Попала пуля-злодѣйка, и похоронили подъ тополей возлѣ экономіи, и я поставилъ крестъ надъ нмъ. Когда я ворочался въ траншею по порученію харчей, то меня сострѣваютъ солдаты и говорятъ, что твой товарищъ убитой. Я не вѣрилъ. Когда прихожу, онъ лежитъ мертвой. И я горько заплакалъ надъ своимъ смиреннымъ товарищемъ! И похоронили, и былъ при томъ священникъ, и отпѣли вѣчную память. И еще я вамъ передаю по пнзкому поклону.

Съ тѣмъ прощайте. Трохимъ Кривородкѣ.

И еще прошу не сумуйте.

А молитесь Богу. Така его смерть. Царство небесное братику Юхвиму Хванасовичу, потому что мы были повсегда вкупѣ, какъ близнята. А теперь его нѣту» .

Вяло, нехотя рѣютъ и падаютъ за окномъ хлопья осенняго снѣга, падаютъ и тотчасъ умираютъ на грязной мостовой. И дни рѣютъ блѣдныя полнилые,—не отличишь одинъ отъ другого. Смѣшались въ одну муть съ сезонными ночами. И время, должно быть, остановилось и потухло, какъ потухли свѣтъ и радость въ душѣ Вали.

Слышны мѣрные шаги за окномъ—проходятъ стройные сѣрые ряды. Можеть-быть, среди этихъ сотенъ лицъ есть и его невѣдомыя черты. Но, прильнувъ къ окну, некала и не находила ихъ: неуловимо текутъ человѣческия лица, какъ дождевыя капли. Но гдѣ-то сливаются капли въ могучій потокъ, отражающій небо и обновляющіи землю кровью...

Долгими часами стоитъ Валя у окна на улицу. Не смотрѣтъ бы только въ противоположное окно дома, что выходитъ во дворъ, глазъ на глазъ съ приплюснутымъ косымъ окномъ дворницкой! Тянетъ изъ того окна въ это переносимымъ холодомъ могилы, стынетъ отъ него голова и грудь, тушитъ ея сознание, и сдуваетъ ее, какъ желтый отмороженный лепестокъ.

IV.

Широко раскрытыми глазами смотрит Валя передь собой и сквозь знакомую съ дѣтства обстановку,—стоитъ ли у окна, идетъ ли по улицѣ—ясно видитъ одну новую картину: широкое поле съ убѣгающей за пригорокъ буро-грязной дорогой, справа до синяго лѣса—рвы съ валами желтой глины, а за ними обнаженный садъ и чей-то старый опустѣвшій домъ и одинокій тополь въ сторонѣ; кружатся надъ нимъ галки; холмикъ чернѣетъ у корня... По желанію Валя можетъ удалять и приближать картину, можетъ сдѣлать поле безъ конца широкимъ и можетъ раз-смотреть па немъ каждый темный холмикъ до жуткихъ подробностей...

Стали морозы, засветѣла вьюга за окномъ. Коротая въ креслѣ долгую зимнюю ночь, сдвигаетъ и раздвигаетъ Валя жуткую картину. И вдругъ—раздвинулась она до края земли, тьмы народа покрыли ее и все съ ужасомъ и надеждой смотрятъ туда, гдѣ, касаясь неба, идетъ кто-то огромный, неся на согбенныхъ плечахъ что-то свѣтлое, какъ умершее Валло счастье. А подъ нимъ земля изрыгаетъ огонь и смерть и съ трескомъ рвется небо въ клочки... сгибаеяь, мечутся по небу синія и багровыя полосы. Такъ именно представлялся Валѣ Страшный судъ.

— Донесетъ-ли?...—спрашиваетъ Валя цѣпепѣя.

Но ближе, ближе онъ и все меньше. Уже различаетъ Валя сѣрую шинель и безкозырную фуражку съ краснымъ околышемъ. И сразу все стихло; вошелъ въ комнату, небольшого роста, конфузливо обходя коверъ, подошелъ къ креслу; просторная шинель плохо прилегаетъ къ щуплому тѣлу,—горбится сзади, воротникъ отсталъ. И безкозырная фуражка—уже обагранный вѣнокъ. Тонкая темнокрасная струйка протянулась пзъ-подъ него по смуглой щекѣ, оросила выбѣлпный солнцемъ и вѣтромъ пухъ ея и задержалась па шеѣ смѣшаннымъ съ землей сгусткомъ. Вотъ онъ поднялъ глаза и, робко улыбувшися, сталъ оправдываться:

— Извиняйте, что долго не писалъ... Такъ что некогда было въ гору гля-путь... Пули, какъ мухи зудятъ...

Валя открыла глаза и не сразу повѣрила, что его нѣтъ уже здѣсь рядомъ, между кресломъ и этажеркой. А потомъ припала безкровнымъ лицомъ къ полу, къ тому святому мѣсту, гдѣ минуту тому назадъ стояли корявые мерзлые сапоги.

Сѣрѣло утро за окномъ, мѣрно и долго, какъ прибой рѣки, били мостовую солдатскіе шаги. Валя подошла къ окну и сквозь замороженное стекло снова стала вематриваться въ тусклый потокъ лицъ. Вдругъ ударили по глазамъ знакомыя черты: и впалая смуглая щека, и шинель горбомъ... Прогянувъ руки, закричала Валя:

— Братецъ мой единый, родной мой... живъ!.. Тебя не тронетъ смерть!.. Не можетъ быть...

Рыдая билась о подоконникъ.

А за окномъ живой волной все билась о мерзлую мостовую мѣрные густые шаги. Высоко поднялся въ морозномъ воздухѣ молодой теноръ запѣвалы. И день разгорался медленно, да робко.

К. Т р е н е в ѣ .